

Аркадий Воеводин

О себе и судьбах

СТИХИ И ПОЭМЫ

Аркадий Воеводин

О себе и судьбах. Стихи и поэмы

«Издательские решения»

Воеводин А. П.

О себе и судьбах. Стихи и поэмы / А. П. Воеводин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961788-0

Я думаю, что как за художников, композиторов и прозаиков, так и за стихотворцев должны говорить их произведения. В этом сборнике читатель встретит стихи о природе, об охоте, лирику любовных переживаний, философские размышления и стихи духовного содержания. Приятного и полезного знакомства Вам, дорогой читатель. В качестве иллюстраций к поэме «Рождение Мессии» использована картина художника Жан-Леон Жерома «Гладиатор», картины и иконы других художников. Поэма «Дарёнка» иллюстрирована автором.

ISBN 978-5-44-961788-0

© Воеводин А. П.
© Издательские решения

Содержание

Глухари	6
Таежная баллада	7
Рябчик	8
Заяц	9
Косач	10
Волчий след	11
В долгу	12
Глаза друга	13
И еще о судьбе	14
Обознался	15
Уралу	16
Песня Бурана	17
Время	18
«За тобою я не побегу...»	19
Прости	20
«Все мы ищем счастья в этом мире...»	21
О себе и судьбах	22
«Директор», зеркало, глаза ...»	23
«Вы никогда не улыбались мне...»	24
«Жизнь земная – суета сует...»	25
Дороги	26
Ностальгия	27
Памяти души	28
«Мальчишка не был палачом...»	29
«Мудрее тот, кого нещадно били...»	30
Обращение	31
«Без Мене не можете творити ничесоже», ...»	33
«Лунный свет, пробившись в створ оконный...»	34
Молитва	35
Завещание	36
«Всякое дыхание да хвалит Господа...»	37
Пасхальный благовест	38
«Что имею – всё от Бога...»	39
Тайная вечеря	40
Ночь перед Рождеством	42
«Ты, душа моя, спину не горбь...»	43
«Слёзы и вздохи – печали полна...»	44
Слова..., Слова...	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

О себе и судьбах Стихи и поэмы

Аркадий Петрович Воеводин

© Аркадий Петрович Воеводин, 2024

ISBN 978-5-4496-1788-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глухари

Разливаясь в морозы сонливые,
На верхушках кострами горя,
Пробуждая миры говорливые,
Кольхалась над бором заря.

А внизу, там, где мхи потревожены,
Где мороз серебра наковал,
С молодой копалухой пригожею
Бородатый глухарь токовал.

Он горел полудёнными жарами,
В песню выткал сердечную сладсть,
Чтоб в изящной подруге пожарами
Разлилась глухарина страсть.

Чтоб птенцами трепеща под кронами
В их бровях отпылала весна...
А по лесу хрустальными звонами
Слёзы счастья роняла сосна.

Лето 78 г.

Таежная баллада

В плотной куртке пепельного цвета,
Со свинцом охотничьих сапог
Ухожу за выцветшее лето,
Ухожу тайгою, без дорог.

Пусть судачат деды-домоседы,
Что былой охоте не бывать,
Что в тайге бродить – пустое дело,
Ноги бить да время убивать,

Им бы с лесом быт в запанибратстве,
Не понятен им язык тайги.
Я иду искать своё богатство,
Запросто, не меряя шаги.

И найду его, уйдя за топи,
На безлюдных, мшистых берегах,
Где грибов нетронутые копи,
Кедры шепчут сказки... А во мхах,

Капли самоцветов настоящих,
Россыпи, рубиновых на цвет,
Чуть прозрачных, сочных и манящих,
Ягод клюквы, выпивших рассвет.

Надышусь дурмана хвойной чащи,
Прокопчусь в дыму ночных костров,
От того и радужней и слаще
Мой восторг от сумрачных боров.

Но уже под утро стынут ели,
А душа, пронзительно светла,
Так не хочет в круговерть недели,
В сутолоку, гам, и блеск стекла.

Осень 72 г.

Рябчик

«Подгорничное» – посёлок на болоте,
И сюда, в забытый Богом край,
Я хожу с ружьишком по охоте,
И считаю, это место – рай.

Здесь жируют зайцы, бродят лоси,
Царство глухарей, медведей, лис...
Только всё ж, в мою рябую осень,
Околдует рябчиковый свист.

Зазовёт в еловый бор высокий,
Заманит в овраги и ложки,
Где речушки пьют земные соки,
И стоят, задумавшись, стожки.

Притаюсь у ёлочки лохматой,
Запою, нежнейший, позывной,
И вольётся в пересвист пернатых,
В гомон леса, томный голос мой.

И ко мне, избраннице лукавой,
Позабыв прекраснейших певиц,
Подлетит, подсядет величаво,
Глаз кося из розовых ресниц,

Страстно, очарованно, влюблённо,
Глупый рябчик. И, в ответ на зов,
Меж ресниц еловых, неуёмно,
Задрожат глазки моих стволов.

Осень 72 г.

Заяц

Тих и светел голый березняк.
Павший лист, слегка, блестит росой.
Из-под ног, заспавшийся беляк
Брызнул к юбке ёлочки босой.

Грянул выстрел, разодравши тишь,
Оглушил дремавший мир окрест.
Ах, косой, ужели не простишь,
Что свинцом утяжелил твой крест?

Дым растаял. Лес в дремоту сник.
Не спеша, как будто бы на бис,
Шёл к трофею...
Вдруг взметнулся крик,
Детский плач пронзил седую высь.

Вмиг под сердцем жар заглодел...
Где дитя?! Откуда он кричал?..
Дрожь трепала, двинуться не смел...
Березняк, насупившись, молчал.

Шаг..., другой...
Как мир, порою, прост!
Заяц, видно, из последних сил,
Волоча по листьям алый хвост,
В страхе, обречённо, голосил.

Ты прости мне, заячья душа,
Я в лесных больницах не бывал...
Словно пращур, миссию верша,
Палкой, бедолагу, добивал.

Декабрь 73 г.

Косач

Как-то тихой, погожею осенью,
Забредя в непролазный пихтач,
Я заметил, в пробившейся просини,
На сушине мостится косач.

Видал, всё в нём созрело и выспело,
Страстью древнею сердце маня...
Вздрогнул вечер над сколотым выстрелом,
Для него, для ружья, для меня.

Падал тетерев. С ломкими хрустами
Дрёма сухо слетала с ветвей.
Вечер таял над лесом без устали,
Оставляя мне редкий трофей.

И стоял я могучий, восторженный,
Над творением добрых богинь.
Он как будто уснул не тревоженный,
Лирохвостый красавец тайги.

В сердце дрожь шевелилась счастливая...
Но увидел, (а мне б не смотреть),
Крик безмолвный в безмолвье тоскливое,
Крик в отчаянной жажде взлететь.

Боль пришла, всё ходившая около,
Стала явной, щемящей, живой.
Видела, видел, как крыльями хлопало
Неживое уже существо.

Стих, косач...

Жизнь вернулась, кудесница,
Не давая подолгу грустить.
Кто сказал, что охота – безделица,
И нельзя в ней страдать и любить?

Декабрь 73 г.

Волчий след

След ещё не успел остыть,
Значит, он уже где-то близко.
Тяжесть неба нависла низко,
Так и хочется сесть и выть,
Но по следу идти – не рыскать,
Надо только суметь добыть.

В поле лижет позёмка снег,
Лижет в нос языком колючим...
Запах следа горячий, жгучий,
Шире делает волчий бег.
Может это счастливый случай,
Может, будет ночной обед?

Лось устал, глубоки снега.
Он всегда уходить старался,
Но, бывало, с волками дрался...
Крепки были его рога...
А теперь он волков боялся,
Хмурый вечер его пугал.

Тенью лося вожак настиг.
Был удачен прыжок могучий...
Круп пронизало болью жгучей,
Зверь споткнулся, упала на миг...
Лес качнулся, поплыл беззвучно...
Горло резал голодный клык.

Понял, старость пришла давно,
Как пришла – не заметил просто.
И тоска охватила, остро,
Память вёсен, счастливых снов,
Даль тайги и цветущий остров,
И подруги блаженный зов.

Лес печально шумел в ночи,
Свой трофей свеживали волки.
Падал снег, но уже не колкий.

.....
Лес, осенний, тихонько ворчит.
Грустно видеть от жизни осколки,
Но душа, почему-то, молчит.

В долгу

Для всех я заурядный неудачник.
Смеются: «Распашонка – не душа,
Живёт беспечно, как заядлый дачник,
Живёт, и не имеет ни шиша».

Пусть будет так. Мне много и не надо.
По мне – я даже сказочно богат.
Люблю тайгу и мне за то награда —
Таежные глухие берега,
Безвестных речек карие затоны,
В глубинах камышей утиный крик,
Морзянка дятла в алых всплесках кроны,
Бой глухарей – весенних забияк.
А лес зимой?..

У стога, на делянке,
Застенчиво распишется беляк,
А поутру, взрывая снег полянки,
Тетерева украсят березняк.

Зима в лесу! А солнце!..
Свежесть студит,
Рисуют мыши бусы на снегу...
Я очень жаден, – ошибались люди, —
Ловлю, хватаю радость на бегу.
И всё мне мало, что-то гонит, будит...
Но чудится мне, будто я в долгу...
Мы все в долгу, да только часто люди
Сокровищниц души не берегут.

Осень 72 г.

Глаза друга

«Тайга» пропала, – друг, – моя собака.
Украли год назад, но, до сих пор,
Я помню день, как горько, горько плакал.
Её глаза мне снятся, как укор.

И в этом кротком, долгом карем взоре,
Огонь, давно отпевших нам, костров,
Плывут туманы, и томятся зори,
И бег лосей, и взлёт тетеревов.

В них всё, что было, и о чём мечталось...
А нынче, верно, в тесной конуре,
За миску супа, ей, теперь, досталось —
Облаивать заборы во дворе.

Лето 78 г.

И еще о судьбе

Он не родиться, ну, просто не мог.
Мать немудрёной породы
Им разрешилась... Свидетели – Бог,
Бог и законы природы.

Вырос как тень. Одинок и уныл,
С роду уюта не зная,
Он лишь скулил или жалобно выл,
Но никогда не залаял.

Был откровенно приветливый пёс,
Только не ведал бедняга —
В жилах он кровь беспородную нёс,
И назывался «дворняга».

С доброй надеждой любил наперёд
Всех, кто б ни шествовал мимо.
Ждал: может, кто-то его позовёт,
Может быть, даст ему имя.

Только его неухоженный вид
Многих пугал, как проказа.
Был он нередко мальчишками бит,
Но не залаял ни разу.

В сердце его наводили сполох
Всякие – разные люди...
Мясо подбросили: «Жри, Кабыздох.
Жри, тебе досыта будет».

Счастье без меры... На снежной заре,
Голод не знает отказу...
Тихо сдыхал на широком дворе,
Зло не облаяв ни разу.

Лето 83 г.

Обознался

В коротеньких, потрёпанных штанишках,
Держа ручонкой прутик между ног,
Небесными глазёнками, мальчишка,
Мои глаза поймал и, вдруг, изрёк:
«Мой папа!..». Замер.., видно, ждал улыбки,
Ища в моих глазах свою тоску.
С надеждой, не спеша, привстав на цыпки,
Готовый в руки брызнуть по песку.

Душою желторотой замирая,
(Лет трёх, сопливый, белобрысый чуб),
Он словно нищий ждал у двери рая
И шмыгал носом, слизь сгоняя с губ.
«Мой папа...», – повторил и, вдруг, осёкся —
В глазёнках дым погашенных свечей...
И этот, молча, от него отрёкся...
И этот не его, но чей-то.
Чей?!

Лето 97 г.

Уралу Экологическое

Люблю тебя, батя – родимый Урал,
Излучины рек твоих, брови утесов,
Кипень перекатов у ног «Синих скал»,
И елей купанье в лазуревых плёсах.

Ты сказы Бажова мне в детстве принёс,
В леса уводил колдовским кукованьем,
И вырос как роща, я, полон берёз,
С душой немудреной, под стать Коковане.

Мне дороги, смены нарядов твоих:
То снежную шапку на лес нахлобучишь,
То в прелесть неброских цветов полевых,
В недолгое лето, влюбляться ты учишь.

Я слышал, Стране, ты – «Хребет становой».
Я знаю, ты – добрый, большой, работающий.
Но много ты «куришь» и дым над тобой,
Клубит с «папиросок» заводов гудящих.

Послушай, отец мой, я вырос. Теперь,
Скажу, (хоть ты можешь сердито прикрикнуть),
Мне жаль твои кудри лесные, поверь,
И, к мутности глаз, твоих рек – не привыкнуть.

Я знаю, что в жизни, сложнее всего,
Порою, встают над здоровьем вопросы.
Ведь можно ж работать светло и легко,
Детишкам, под нос, не чадя «папиросой».

Осень 84 г.

Песня Бурана

Растянул Буран трёхрядку,
На дорогу поглядел,
И, пошёл плясать вприсядку
Так, что ветер загудел.

Разошёлся... так и ходит,
По проулку полетел,
Снег пушистый хороводит,
Свистнул, ухнул, и запел:

«Не ленись плясать по-русски,
Сдвинув шапку набекрень.
Разойдись проулок узкий,
Дай дорогу мне, плетень.
Я со всеми ладно вздорил,
Пил морозы досыта,
И теперь с Зимой поспорил,
Что гуляю неспроста,
И швыряю снежной шапкой
В створ её резных ворот...
Распахни их шире, бабка,
Мчится в гости Новый год!».

Зима 69 г.

Время

Год отцвёл и поник,
Дни сменяются днями...
Вот, сижу, как лесник,
Я, над свежими пнями.

Слишком долго ходил
По окрестным опушкам,
Кто-то рощу срубил
У моей же избушки.

Роща – юности пыл,
Роща – то, что мечталось.
От того, кем я был,
Ничего не осталось.

Ни куста, ни листа
За душой... Что аукать?
Я смертельно устал,
А над миром ни звука.

Дум – пустая верста,
И сижу в изумленье:
Кто ж любовь поверстал,
Лесникову, в поленья?

Память вышла на круг,
Говоря, будто Время
Порубило, не вдруг,
Белоствольное племя.

Не умел привечать,
И оно, незаметно,
Порубило сплеча
Всё, что было заветно...

Уж метели метут,
И Борей крепко студит...
Встать! Идёт Самосуд!
Адвокатов не будет!

Осень 86 г.

«За тобою я не побегу...»

За тобою я не побегу.
Можешь уходить – счастливый путь.
Боль пройдёт, как хмель любви в стогу,
И её, уж, больше не вернуть.

Всё проходит. В этом мире жить —
Значит, и цвести, и увядать.
Всем дано терять и находить,
Всем дано любить, и забывать.

Вот, и я, теряю, по пути
Призрак счастья, ложь любви в меду.
Даже слово чистое «прости»,
Ты забыла бросить на ходу.

Это даже лучше, чем обман.
Я тебя ни в чём не упрекну.
Так быстрее развеется туман,
Легче встретить новую весну.

Если всё забыть стало враз,
Если ложь свилась петлёй тугой —
Значит, всё ошибкой было в нас,
Значит, я любил тебя другой.

Осень 72 г.

Прости

Прости мне откровение моё,
Пойми мои признанья и молчанья.
Так было, что разменивал, случайно,
Я веру на неверие своё.

И чувства тратил я по мелочам...
Но вспомнил всё и понял, как, невольно,
Тебе я очень часто делал больно,
И, как нещадно в душу бил сплеча.

Ты, слёзы пряча, всё простив, любила,
Забыв обиды, боль свою уняв.
Твой добрый взгляд всегда казнит меня.
Твоя любовь мою любовь затмила.

Мы мало были вместе, больше – врозь.
Так много насолили нам разлуки.
Мы тихо разнимаем наши руки,
А нам нужна одна земная ось.

Но, вот, опять расстаться нам пришлось.
Тебе со мной приходится не просто...
И стынет небо чистое, как простынь,
И тает, удаляясь, стук колёс.

И снова мне ни с кем не по пути.
Ты далеко и мир, как южный полюс.
Стою один, давно умчался поезд,
А я, в который раз, прошу: «Прости!».

Лето 74 г. Хандиза.

«Все мы ищем счастья в этом мире...»

Все мы ищем счастья в этом мире,
Каждый в чём-то прав, или не прав.
Кто-то счастлив в солнечном Каире,
Кто-то на Чукотке, перебрав,
Спит, блажен, в заиндевавшем чуме...
Невдомёк, конечно, тем двоим,
Что в далёком ВЭХе нет угрюмой
Человека с именем моим.
Что и он, как все, меж смертных – грешен,
И мечтает только об одной.
И, порой, бывает безутешен,
Что её зовут чужой женой,
Что она всегда проходит мимо,
Не глядит тайком наискосок...
А года текут неуловимо,
Как вода в прожорливый песок.

Знает он, что ей сейчас несладко,
И душа, сомлев в пожарах, спит...
Счастье, что ухвачено украдкой,
Больно ранит и дотла горит.
И ему, конечно же, придётся,
(Чтоб не строить в воздухе леса),
Восхититься той, что улыбнётся,
И упасть в земные небеса.
И тогда, быть может, очень просто,
В лоно счастья отворится дверь,
И в неё войдёт он полным ростом,
Позабыв о той, что спит теперь.

И к чему, в трёхкомнатной квартире,
Сетовать (при ласковой жене),
Что ни пьяный чукча, ни в Каире,
Ничего не знают обо мне.

Декабрь 95 г.

О себе и судьбах

Я её отыскал за годами,
За лесами, за тысячи вёрст,
Здесь, где судьбы не бродят стадами,
И где день, удивительно, прост.

Здесь, где судьбы с крутого похмелья,
И, покуда бочок не остыл,
Полусудьбами, словно бы зельем,
Утоляют воинственный пыл.

Здесь, где судьбы встают спозаранку.
Ублажая, бурёнкам, сосцы,
Полусудьбы клянут – свет – в изнанку,
Сердце – в кровь..., но, что делать?... – отцы...

Здесь расписано всё, без кавычек,
От дефиса до клякс с запятой.
Судьбам тесно от пошлых привычек,
Но удобно под жизни пятой.

Перепутались судьбы, как снасти,
Ни концов не найти, ни начал...
Гулким эхом томительной страсти,
Я в судьбу, как в пустыню кричал.

Крик недолгий, живой, но – подранка.
И угас, неслышанный, крик...
Я встаю, как и все, спозаранку.
Здесь судьбу свою в «судьбы» постриг.

И живу, как и все, без кавычек,
Незатейлив, хоть оды пиши...
Только, что-то, от «милых» привычек,
Тошнотворностью тянет с души.

Январь 95 г.

«Директор», зеркало, глаза ...»

«Директор», зеркало, глаза —
Мгновенье. Что в них отражалось?
Ни грусти тень, ни боль в слезах,
Но только долгая усталость.
Но что-то тихое внутри,
Но что-то тайное глубоко,
То, что живёт не для смотрин,
Что носят, сгорбившись и боком.
Но что? Я знаю – не любовь.
Но что? Что лепит сердца такты?
Но лишь на миг взметнулась бровь...
«Директор»... Зеркало... Post factum.

Июль 95 г.

«Вы никогда не улыбались мне...»

Вы никогда не улыбались мне,
Быть может, просто, не было причины,
Но видел наяву, я, как во сне —
В улыбке Вашей таяли мужчины.

Вы никогда не улыбались мне,
Ни между слов, ни, просто, мимоходом,
Ни в зимних снах, ни, даже, по весне,
Когда улыбкой светится природа.

Вы никогда не улыбались мне...
Живу надеждой призрачной и зыбкой —
Сольётся свет двух маленьких планет,
И Вы, меня, одарите улыбкой.

И обретёт мой мир, и смысл, и цвет,
И воспарит душа к седьмому небу...
Вы никогда не улыбнётесь. Нет!
Я Вам – «Никто», и всё, что было – небыль.

30 января, 94 г.

«Жизнь земная – суета сует...»

Жизнь земная – суета сует,
Радости её и грусть – печали, —
Всё угаснет, как закатный свет,
И ковчег мой к кладбищу причалит.

Что возьму я в долгий путь с собой,
В тесноту еловой домовины,
Неба ли, кусочек голубой,
Гор красу, иль звон степной равнины?

Морось ли осеннего дождя,
Листопад ли, снегопад ли, выюгу?
Иль портрет великого вождя?
Или жизни верную подругу?

Всё оставишь, глупая душа,
Дожуешь свой хлеб, допалишь свечи,
И пойдёшь, нагая, без гроша,
По мытарствам, опустивши плечи.

Оглянись, пока горячий след,
Повинись, пока в ресницах росно.
Жизнь земная – суета сует,
Завтра, может статься – очень поздно.

4 январь 2000 г.

Дороги

Как бы ни была длинна судьбы дорога,
Но её начало, в жизнь спешит, всегда,
От родного сердцу отчего порога...
Только все дороги, вновь, ведут сюда.

Было всё, и много, было всё – как было,
Не переиначить то, что стало быть.
В память затонуло, что дышало пылом,
Что, перемоловшись, обратилось в пыль.

Мы живём поспешно, дни жуём торопко,
Тень свою, не видя, топчем на ходу,
А тоска, украдкой, в нас ютится робко,
Разжигая в сердце памяти звезду.

И не вдруг, быть может, с грустью, без упрёка,
Духом, просвещаясь в таинстве святом,
Мы поймём, однажды, как ушли далёко,
Как нам дорог край наш, дорог отчий дом.

И спешим – велики, и бредём – убоги,
К дому, где встречают блудных сыновей,
Где светло и тихо нас врачуют боги —
Тёплые ладони наших матерей.

Хочется забыться, навсегда остаться,
В марафоне жизни смысл и суть понять...
В мытарствах по свету можно потеряться...
Но пути-дороги нас зовут опять.

И опять, как в юность, вспыхнет утра пламя,
И опять уходим в мир надежд, тревог,
Оставляя сердце, забирая память
У порога детства, и больших дорог.

Лето 78 г.

Ностальгия

Давно далёко от России милой,
Но, по ночам, и, вдруг, средь бела дня,
Душою вечно юной, легкокрылой,
Лечу как птах в края, где вся родня.
И всякий раз, на майский снег черемух,
В июньский дым негаснущих ночей,
Где тот мальчишка всё ещё не промах
Любить зарницы девичьих очей.

Где память кружит вальсы, без вопросов,
По набережной, в парк, и, дальше, в лес.
Там всё поют: Русланова, Утёсов,
Муслим, Шульженко, Зыкина, Бернес.
Давно пусты на речке все причалы,
И лодки разбрелись по всей воде.
Гитары, песни, смех... Любви начало...
Ах, ночи белые, о, юность!.. Где вы?.. Где?!

Всё – там, всё – в том, что в прошлое минуло,
Где дров берёзовых дымком курит труба,
И, в ночи долгие, в сугробы затонула
До самых окон, ветхая изба.
Где сказки детства шепчет та избушка,
И мама, бесконечно молода,
С улыбкой шутит: «Я уже старушка.
Вот-вот умру. Куда же вы тогда?..»
А мы куда?.. Мы, маму, обнимаем,
В нас жар любви и добрый альтруизм...
Взрослея, мы, всё это, забываем.
С годами, нас горбатит эгоизм.

Весна 2002 г.

Памяти души

Когда томит расплав наитий нежности,
И тих забот сплошной круговорот,
Я уйду за дальние безбрежности,
За памяти миражный поворот.

Я улываю в мир фантазмагории,
В причудливом соитии времён,
Где вне цены иные категории
Прикосновений, взглядов и имён.

Где нет страданий, лжи, тоски, банальности,
Чумных аккордов, мрака пустоты,
Но всё в своих глубинах ирреальности,
Пространства абсолютной чистоты.

Былой души тот мир, преобразованный
Под спудом наслоившихся годов,
Он, как графит, в алмаз кристаллизованный,
Не достигаем для чужих миров.

Ему пожары чужды и грабители,
Он не приемлет нынешних сонат,
Не распахнуть ворот в его обители,
Не выставить, как редкий экспонат.

Но грянет час – свершатся все пророчества
И, не достигнув всех земных вершин,
Прорвётся оболочка одиночества,
И Бог коснётся памяти души.

Осень 95 г.

«Мальчишка не был палачом...»

Мальчишка не был палачом,
И не злонравный был проказник.
Узнал, фунт горечи почём,
Что жизнь – не мёд, не долгий праздник.
 Но, расшибаясь от падений,
 Не резал крыл своих парений.

Не научась терпеть обид,
Чинимых слабым, и неправо,
(Хоть знал, порой, что будет бит)
Шёл в бой, не мудрствуя лукаво.
 Как на живую рану соль —
 Не мог терпеть чужую боль.

В душе, не будучи бойцом,
Отважно дрался, но без злости.
Частенько, с порванным лицом,
Не размышлял – целы ли кости...
 Но даже в схватке, сгоряча,
 Боялся бить в лицо сплеча.

Гнушаясь спевок за углом,
Брезглив был к тем, кто тёрся в своре.
Не резал сколотым стеклом,
Не вешал кошек на заборе.
 От злого сердца, злобы дня,
 Благой Господь хранил меня.

26 август 99 г.

«Мудрее тот, кого нещадно били...»

Мудрее тот, кого нещадно били,
Кто не кривил душой и, сам, не бил.
Несчастен тот, кого, как вещь, любили.
Блажен же тот, кто плакал, и любил.

Лето 2001 г.

Обращение

Я пред Тобой, Спаситель мой,
С душой – израненною птицей.
Был долог, в муках, путь земной
К живой, целительной, Кринице.

Мы, с жизнью, все, играем блиц.
Нас, грешный мир, как взор блудницы,
Манит и, вдруг, швыряет ниц,
Дыша могильным тленьем в лица.

С лукавой, дьявольской руки,
Стадами бродим в сени смертной.
От вечных истин далеки,
Всё ищем смысла жизни брэнной.

И чертыхаясь, и бранясь,
И, натываясь друг на друга,
Спешим, смеясь и суетясь,
В безумье замкнутого круга.

Ослепнув, ходим по крови
Без содроганий и смятений,
И повторяем о любви,
В бесовской пляске похотений...

Но Кто-то стукнул в сердце мне...
Очнулся, как от сна хмельного —
Чуть брезжит свет на самом дне,
В глубинах мрачного чертога.

Но Кто стучит, и Кто зовёт,
И почему так очень больно?..
Тоскливых мыслей хоровод,
Сбиваясь, топчется фривольно.

Вошёл Господь в вертеп души,
Не упрекнул, за окаянье,
Грехов оковы сокрушил,
Даруя сердцу покаянье.

Рыданье бьётся из глубин,
В слезах вершится омовенье.
О, нет у Бога половин,
Во всеблагом Его прощенье.

Не я, блудя, нашёл Тебя,
Ты, воскресив меня из тлена,
Подняв, врачуя, и любя,
Увёл из дьявольского плена.

Спешу к Тебе, отныне – Твой,
И об одном молю – не сбиться,
Чтоб из Тебя, воды живой,
Возжаждав, вновь и вновь, напиться.

Март 98 г.

«Без Мене не можете творити ничесоже», ...»

«Без Мене не можете творити ничесоже», —
И истинен Божественный глагол.
Я, без Тебя, и мерзок, и ничтожен,
Грехами спутан, как в силках щегол.

Я, без Тебя – безумнейший слепец,
Гордец, превозносящийся под небом,
А, в сущности – бесчувственный мертвец...
С тобой я есть, а без Тебя бы – не был.

Уходит день, и я к Тебе спешу.
В моленьях блекнет мира наважденье,
В слезах, горчайших, милости прошу
И, на Твоё, надеюсь, снисхожденье.

И Ты сошёл во мрак моей души,
Во мне ли Ты, иль я в Тебе – не знаю...
Но что мне делать? Я опять грешил!
И стыд, и боль, нещадно, вновь, терзают.

Любовью, весь, пронизанный насквозь,
Стенаю, вопию и, непреложно,
Тобой живу!... А быть с Тобою врозь —
Немыслимо, несносно, невозможно.

Сладчайший Иисусе, мой Господь,
Целитель мой, Спаситель мой, Творец,
В Тебе един я: дух, душа и плоть,
Как Ты един – Сын Божий и Отец.

Декабрь 98 г.

«Лунный свет, пробившись в створ оконный...»

Лунный свет, пробившись в створ оконный,
Заструился, как кадилый дым,
Заливая келью и иконы,
Омывая лики всем святым.

Сердце преклонилось помолиться,
Словно ключ, из каменных оков,
Из глубин его слеза сочится...
Где-то, в нём, источник родников.

Сердце, сердце, ты лежало камнем
На надгробье умершей души.
Кто тебя движением сакральным
От могильной узы разрешил?
Кто тебя отверз могучим жезлом
И исторг потоки чистых струй,
Душу, умерщвленную уже злом,
Пробудил, как птаху поутру,
Чувств смятенных смягчил непогодье,
Обласкав любовью?

Боже, Ты?!

И с ресниц стекает половодье,
Омывая лики всех святых.

23 август 99 г.

Молитва

Дай Боже силы возлюбить
Всех, кто меня возненавидел.
За тех, кто с умыслом обидел,
Поддай слезу Тебя молить,
Чтоб Ты отвёл от них погибель.

Дай Бог сочувствия к бомжам,
К слепым, и сгорбленным летами,
Ко злым, с хулящими устами,
К безумным – падким к грабежам,
С окаменевшими сердцами.

И суесловных, и хапуг,
Не презирать подай терпенья;
Пред возносящимся – смиренья;
И не роптать на свой недуг,
Но боль принять, как вдохновенье.

Ты знаешь, что я слеп и нищ,
Обобран, дочиста, страстями.
Себя, избивши похотями,
Низвергнул в мерзости гноищ,
Где дух смердит и воля вянет.

Но изведи из этих мест,
Очисти многими скорбями.
Дай силы мне нести свой крест,
Твоими, Господи, путями.

2 февраль 99 г.

Завещание

Вы, по смерти моей, не творите тризн,
Патетических слов не надо,
Даже если душа переходит в жизнь,
От земной суеты – из ада.

Мимо ада душе не пройти, увы,
Этот мир прозябает в аду.
Все рождаются в нём, как и я, и Вы,
И страдать, и терпеть нужду.

И цари, и кумиры, и люд простой,
Православный монах, и неверный,
И дитя, и зверьё, и убогий святой —
Все в объятьях греха и скверны.

Вы по смерти моей не творите пост,
Беспечалие в Вас не нарушу.
Вы, притихшее тело, свезя на погост,
Помолитесь за грешную душу.

Обнажённой уйдёт, ведь жила-то в шик,
Расточала дары Господни.
Было много талантов, а ныне – пшик,
Лепты ломаной нет сегодня.

На могилку не ставьте вино и снедь,
Милость сердца подайте Богу.
О сиротах и нищих молю порадеть,
(Нерадение взыщется строго).

И меня помяните, подав сухарь,
И приют, утомлённым в дороге.
Не отринет Господь и малейшую тварь,
Паче милость Его к убогим.

Да зачтёт вашу милость, Господь, и мне,
Лобызая Вам сердце и руки,
И, сыскавши меня в преисподней, на дне,
Облегчит нестерпимые муки.

8 марта 99 г.

«Всякое дыхание да хвалит Господа...»

«Всякое дыхание да хвалит Господа»,
И Ему поёт земная тварь.
Только я молчу, как тень, как рос вода,
Не дерзая, даже, на тропарь.

Был на «ты» с природой в велеречии,
(Лучше б уж в театрах подремал),
Скольким жизням причинил увечья,
Скольким вдох навеки прикрывал?...

Без нужды, бездумно, без смущения,
Рвал, ломил, давил и убивал...
По чьему же злomu наущению,
Я, при том, беспечно напевал?

Мне ведь заяц плакался, подраненный,
Разметая павшую листву...
Господи, прими мой стон покаянный,
Впредь я и былинки не сорву.

Было, в детстве, не губил из шалости,
Мать молил за муху, и за моль,
Сердце рвалось от любви и жалости,
Горько плача на чужую боль.

Как же всё случилось, и не ведаю...
Видно, жил без Бога и креста,
Стал надменным, гнусным, привередою.
Песни пел..., да песня, всё, не та.

Но молю, молю Тебя, Всеблагостный,
Чистоты, подателя, и слёз,
Чтоб, когда-то, в мире с миром, сладостно,
Отлетая духом, произнёс:
«Всякое дыхание да славит Го... с...».

31 январь 99 г.

«Что имею – всё от Бога...»

Что имею – всё от Бога:
Воздух, хлеб, родню,
Лес, холмы, дух пряный стога,
Сжатых нив стерню,
Дым костра...

В туманной дали,
Вечер канул в тишь.
Ах, душа, забудь печали,
Что же ты грустишь.
Что тебя под ночь тревожит,
Сбило твой полёт?
Может совесть сердце гложет?
Злой ли дух гнетёт?...

Всё дал Бог к закату лета,
Осень хороша...
Только в сердце Бога нету,
И скорбит душа.

Осень 2002 г.

Тайная вечеря

Двенадцать возлегли не суетясь,
Один лишь, препоясавшись, с дороги,
Любовью и смирением светясь,
Им омывал натруженные ноги.

В мерцанье звезд притих Ершалаим...
Но даже здесь, за глиняным дувалом,
Глухих предчувствий тень мешала им,
И радости предаться не давала.

Исход из рабства – памяти тепло.
С журчаньем мерным речи арамейской,
Под сердце что-то новое текло,
В вечере древней Пасхи иудейской.

Надломлен Отчий хлеб рукой Христа:
«Ядите все, се Плоть Моя ломима,
Прибьётся к перекладинам Креста,
Чтоб, от ядущих, смерть бежала мимо.

Не плодом виноградным налита
И чаша, вознесенная над вами,
Но Кровью прободенного Христа,
Бальзамом душ, истерзанных грехами.

Меж вами сын греха и друг бесам,
Предав Меня, себя предаст проклятью.
А впрочем, как написано, Я, Сам
Иду на поруганье и распятье».

К груди Его, болезненно приник
(Волной негодования объятый),
Любимый вопрошает ученик:
«Кто, Господи? Да кто же он – треклятый?».

«Он тот, кусок подам кому», —
И, хлеб, макнув, с улыбкой Назаря,
Иуде протянул, шепнув ему:
«Задумал что, то, делай поскорее».

С ухмылкой, приличной палачу,
Вошёл в Иуду дьявол господином.
Задул, души, коптящую свечу,
И выгнал вон, за серебром к раввинам.

Май 98 г.

Ночь перед Рождеством

Стихло всё в ночи под Рождество,
Мир устал от долгого паденья,
И Любовь склонила Божество
Увенчать Её долготерпенье.

Увенчать рожденьем Чистоты,
Дарованьем обновленья миру...
Ангелы, с небесной высоты,
Воспевали пастухам стихиру:

«Слава в вышних Богу...», – всё поёт
И поныне, в чудном ликованье:
Снежной пыли – искристый полёт,
В бездне звёзд – алмазное мерцанье.

А вдали от сна и суеты —
Свет лампад из окон изразцовых.
Преклонясь пред ликами святых,
«Овцы» бдят на раменах Христовых.

Песнь молитвы, вплетши в песнь зари,
Облиставшей звоны колоколен,
Верный люд Творца благодарит,
За Его, о них, благу волю.

Мир являет солнца рождество,
Пробуждая Божии творенья,
Воспевать святое торжество:
В Рождестве Христа – своё спасенье.

Декабрь 98 г.

«Ты, душа моя, спину не горбь...»

Ты, душа моя, спину не горбь,
Краток путь от печалей до радостей.
Знай, чем горше, мучительней скорбь —
Глубже будет покой, сердцу сладостней.

Осень 2002 г.

Слова..., Слова...

И было Слово вечное в начале.
И истины пророчились потом.
И заповеди жизни на Скрижали
Создатель начертил Своим перстом.

Но дьявол, слово лживое, лукаво,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.